

Иванъ Бунинъ. Освобожденіе Толстого. УМСА-Press. Парижъ, 1937.

На дняхъ въ совѣтской Россіи было впервые опубликовано письмо Максима Горькаго къ критику Б. М. Эйхенбауму. Въ этомъ письмѣ Горькій пишетъ къ Толстому: «Я привыкъ думать, что подлинная драма Л. Н. была въ непрерывной борьбѣ его огромнѣйшаго и прекраснаго таланта съ умомъ его — сравнительно — небольшимъ, очень назойливымъ и суевливымъ. Гениальный художникъ не любилъ чужого ума, потому что свой былъ враждебенъ ему. Едва ли среди большихъ людей міра можно найти еще одного, въ которомъ различіе ума и таланта восходило бы до различія между львомъ и крысой».

Что на это сказать? Комичнѣе всего (если можно тутъ говорить о комизмѣ), что Горькій явно щадитъ Толстого: вѣдь все-таки «большие люди міра». Если бы онъ не щадилъ, то сказалъ бы то же, но еще грубѣе: Толстой былъ неумный человѣкъ. Почему умъ у Толстого былъ «очень назойливый и суевливый», не знаю. Какимъ бы, изъ этихъ человѣческихъ словъ эти подходить къ Толстому? Не подходятъ они даже къ самому Горькому, хоть во всемъ и правъ денн, отъ «я привыкъ думать» (вотъ бы въ самомъ деле думать) до «льва и крысы», есть нѣчто нестерпимо развѣсившее Толстой успокоился на копѣчныхъ ленинскихъ брошюркахъ, и шелъ въ нихъ всю правду жизни, его умъ не былъ суевливымъ, очень назойливымъ и суевливымъ. Послѣ появленія «Мира» Шелгуновъ выражалъ радость по тому поводу, что у ея автора нѣтъ большаго таланта, что онъ «живописецъ военныхъ пейзажей и солдатскихъ сценъ» и что его романъ былъ тотчасъ всѣми забытъ, а Навалихинъ писалъ: «Читая военныя сцены романа, постоянно кажется, что ограниченный, но рѣчистый унтеръ-офицеръ рассказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ глухой наивной деревнѣ». Послѣ появленія «Анны Карениной» Ткачевъ, высмѣивая Толстого, совѣтовалъ ему написать новый романъ, изображающій любовь Левина къ его коровѣ Павѣ и ревность Кити. Это каждаго писателя должно было бы отучить (но не отучаетъ) отъ чрезмѣрной чувствительности къ брани. Все же тутъ «опускаются руки», — къ Горькому не тѣ требованія, что къ Навалихинымъ: выдающійся писатель, знаменитый писатель, очевидно, думалъ, что «Войну и Миръ», «Анну Каренину», «Воскресеніе» можно было создать, будучи неумнымъ человѣкомъ!

Никакъ не могу это отнести насчетъ «естественной реакціи одной яркой индивидуальности противъ другой»: ужъ слишкомъ эти индивидуальности не равны и несоизмѣрны. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Толстой въ столько же разъ превосходилъ Горькаго по уму, въ сколько — и по таланту (добавлю: и по учености, хоть марксистскій самоучка, не знавшій ни одного иностраннаго языка, до конца своихъ дней говорившій «Берлинъ» и «Жоресъ» съ удареніемъ на первомъ слогѣ, прочелъ много книгъ). Будемъ надѣяться, что Горькій въ письмѣ къ Эйхенбауму выразился такъ по какому-либо

побочнымъ соображеніямъ. Его воспоминанія о Толстомъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ высшей степени интересны, — Бунинъ едва ли справедливо называетъ ихъ «безмѣрно живыми чуть не на каждомъ шагу». Сдѣлаемъ и надлежащую оговорку во избѣжаніе недоразумѣній. Викторъ Гюго какъ-то сказалъ: «Il faut tout accepter de Shakespeare comme une brute». Мы отнюдь (ни въ малѣйшей мѣрѣ) не требуемъ такого же отношенія къ автору «Войны и Мира» и противъ такого отношенія всячески возражали бы.

Теперь книгу о Толстомъ выпустилъ художникъ гораздо болѣе крупный, чѣмъ Горькій. Надо ли говорить, что она написана въ совершенно иномъ тонѣ. Какъ писатель, Бунинъ не слишкомъ многимъ обязанъ Толстому: очень они различны. Своей книгой онъ и выполнилъ долгъ читателя, благоговѣнно признательнаго за лучшія, вѣроятно, въ жизни часы художественнаго наслажденія, и внесъ въ Толстовскую литературу чрезвычайно цѣнный вкладъ (непріятно употреблять затасканныя слова, но что же дѣлать, если нѣтъ другихъ?).

Книга поистинѣ превосходна. Не знаю, что въ ней лучше всего. Вѣроятно главѣ VI, — та, въ которой Бунинъ рассказываетъ свои личные впечатлѣнія о Толстомъ. Эти страницы навсегда войдутъ въ исторію русской литературы. Приведу лишь одну страницу:

«Была черная мартовская ночь, дулъ весенній вѣтеръ, раздувая огни фонарей. Мы бѣжали наискось по снѣжному Девичью Полю, онъ прыгалъ черезъ канавы, такъ что я едва успѣвалъ за нимъ, и опять говорилъ — отрывисто, строго и рѣзко:

— Смерти нѣту, смерти нѣту!

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого я видѣлъ его еще разъ. Какъ-то въ страшно морозный вечеръ, среди огней за сверкающими, обледенѣлыми окнами магазиновъ, шелъ въ Москвѣ по Арбату — и неожиданно столкнулся съ нимъ, бѣгущимъ своей пружинной походкой прямо навстрѣчу мнѣ. Я остановился и слернулъ шапку. Онъ сразу узналъ меня:

— Ахъ, это вы! Здравствуйте, здравствуйте, надѣвайте, пожалуйста, шапку... Ну, какъ, что, гдѣ вы и что съ вами?

Старческое лицо его такъ застыло, посинѣло, что имѣло совѣтъ несчастный видъ. Что-то визаное изъ голубой песцовой шерсти, что было на его головѣ, было похоже на старушечій шлыкъ. Большая рука, которую онъ вынулъ изъ песцовой перчатки, была совершенно ледяная. Поговоривъ, онъ крѣпко и ласково пожалъ мою, опять глядя мнѣ въ глаза горестно, съ поднятыми бровями:

— Ну, Христось съ вами, Христось съ вами, до свиданья... (стр. 89).

За эту страницу можно отдать не одну книгу о Толстомъ. Необыкновенная изобразительная сила Бунина утраиваетъ цѣнность и чужихъ воспоминаній, которая онъ какъ будто лишь воспроизводитъ. Такъ вся глава VIII книги отведена воспоминаніямъ о Толстомъ Е. М. Лопатиной. Я немного ее зналъ, она въ самомъ дѣлѣ рассказывала очень хорошо (самый разговоръ ея больше, чѣмъ чей бы то ни было другой, напоминаетъ разговоръ Льва Николаевича, — запечат-

дѣнный на грамофонныхъ пластинкахъ). Но... «И вотъ онъ вдругъ вошелъ своей легкой, молодой походкой, въ мягкихъ беззвучныхъ сапогахъ, въ сѣрой блузѣ съ тонкимъ ремешкомъ-поясомъ, со своей большой бородой и непередаваемымъ, рѣзко-неправильнымъ, совершенно незабываемымъ лицомъ, съ пронзительно-острыми, умными глазами. И глаза эти сразу (и уже на всю жизнь) показались мнѣ жесткими, недобрыми — такими, какъ опредѣляя ихъ мой отецъ: «волчьи глаза». Потомъ уже всегда, когда онъ вдругъ входилъ, мнѣ дѣлалось не по себѣ и жутко: будто въ яркій солнечный день открыли мнѣ дверь въ темный погребъ» (стр. 108-9). По этимъ строкамъ прошла рука Бунина, — при всей вѣрности и правдивости передачи не могъ же онъ стенографически записать рассказъ, — и, разумѣется, слава Богу! Много другихъ, не менѣе прекрасныхъ и блестящихъ передачъ есть въ «Освобожденіи Толстого». «Покойный Боборыкинъ рассказывалъ мнѣ: — «Некрасовъ, котораго, кстати сказать, Толстой считалъ однимъ изъ самыхъ умныхъ людей, какихъ онъ когда-либо встрѣчалъ, Некрасовъ называлъ Толстого великимъ сластоустроителемъ, и я Толстому это не разъ напоминалъ. Какъ только начнеть онъ меня допекать, какъ мы всѣ гадко живемъ, какъ мало о душѣ думаемъ, я ему сейчасъ: это вамъ, Левъ Николаевичъ, надо спасаться по великимъ грѣхамъ вашимъ, а мнѣ что? Меня и такъ съ распростертыми объятіями въ рай примутъ: Петръ Дмитриевичъ, дорогой, пожалуйте, вы за всю жизнь лишняго сакана не выпили, не то, что Толстой! Я, Левъ Николаевичъ, подобно вамъ и Буддѣ, не отрекался ни отъ жены, ни отъ царства, зато, надѣюсь, и не умру, какъ Будда, который, достигнувъ всецѣской святости, восьмидесяти лѣтъ отъ роду, вдругъ объялся однажды въ жаркій день свиной у знакомаго кожевника, а послѣ того не удержался еще и отъ другого искушенія, — искупался въ рѣчкѣ, за что и отдалъ въ тотъ же вечеръ Богу душу»... (стр. 160).

Я позволю себѣ останавливаться на отдѣльныхъ чертахъ книги. Только Бунинъ могъ ее написать, и едва ли нужно пояснять, почему всѣ сужденія о Толстомъ столь большого писателя имѣютъ цѣнность исключительную. Не могу входить въ подробности, почти наукачу укажу лишь на удивительныя страницы о ночи въ Арамазѣ (206-9), о «Дѣтствѣ» (221-2), о портретахъ Толстого (135), объ его языкѣ (137), — обрывкомъ перечисленіе, слишкомъ много надо было бы перечислять.

Что до основной мысли Бунина, связанной съ заглавіемъ «Освобожденіе Толстого», то она мнѣ не вполне ясна, хоть книгу я прочелъ — съ одинаковымъ вниманіемъ — два раза. Не вполне ясно и существо спора автора съ В. А. Маклаковымъ, со мной. Книга начинается съ параллели между Толстымъ и Францискомъ Ассизскимъ. Думаешь ли И. А. Бунинъ, что Толстой «освободился» въ такомъ же точномъ смыслѣ, какъ Францискъ Ассизскій или Іовъ? Что же онъ можетъ тогда отвѣтить хотя бы на воспоминанія Лолатиной: «У одного изъ нашихъ общихъ съ Толстыми знакомыхъ умеръ братъ, и вотъ рассказывали, что онъ тоже все твердилъ передъ смертью въ бреду, что его свали въ этотъ страшный мѣшокъ. Это прекрасно, разумѣется,

что Иванъ Ильичъ все-таки видѣлъ впереди эту свѣтлую точку, которая «все ширилась», но вѣрилъ ли самъ Толстой въ нее? По моему, онъ вѣрилъ только въ «черный мѣшокъ» (стр. 125). Я въ своей давней книгѣ «Загадка Толстого» высказала такое же сомнѣніе, пожалуй, въ менѣе рѣшительной формѣ. В. А. Маклаковъ дѣйствительно называетъ Толстого «позитивистомъ», но едва ли и онъ придавалъ этому слову тѣсный смыслъ (послѣдователь Огюста Конта и т. д.), вообще какой бы то ни было другой смыслъ кромѣ того, въ которомъ Толстой можетъ и долженъ быть все же противопоставленъ Франциску Ассизскому.

По существу, думаю, между нами большого разномыслія нѣтъ. Толстой «освобождался» всю жизнь и всю жизнь освобождался по разному, иногда въ настроеніяхъ неожиданныхъ. Уже придя къ непротивленію злу, онъ писалъ: «У насъ все благополучно и очень тихо... Во всей Россіи и Европѣ также. Но не уповай на эту тишину. Глухая борьба противъ анковскаго пирога (такъ въ Ясной Полянѣ шуточно обозначалось матеріальное благополучіе. — М. А.) не только не прекращается, но растетъ и слышны уже кое-гдѣ раскаты землетрясенія, разрывающаго пирога. Я только тѣмъ и живу, что вѣрю въ то, что пирогъ не вѣченъ, а вѣченъ разумъ человѣчскій... Много можно было бы сказать и о вѣрѣ его въ разумъ. Но это было, пожалуй, самое прочное изъ его «освобожденій». «Смерть уничтожается тѣмъ, что если моя жизнь слилась съ дѣятельностью внесенія разума и добра въ міръ, то придетъ время, когда физическое уничтоженіе моей личности будетъ содѣйствовать тому, что стало моей жизнью — внесенію добра и разума въ міръ». Едва ли этотъ отвѣтъ можетъ удовлетворить И. А. Бунина. Въ концѣ своей книги онъ приводитъ слова Толстого: «Какъ-то спросилъ себя: вѣрю ли я? И невольно отвѣтилъ, что не вѣрю въ опредѣленной формѣ» — и добавляетъ: «Но вѣдь такъ говорилъ онъ только въ тѣ минуты, когда «спрашивалъ себя». Не эти минуты спасали его: спасали тѣ, когда онъ не спрашивалъ». Да онъ всегда «спрашивалъ», и въ этомъ его драгоцѣннѣйшая черта, и именно ее онъ ставилъ въ особую заслугу другому знаменитому писателю. Не очень ясно мнѣ, въ устахъ Бунина, и слово «спасали». Но споръ на такую тему потребовалъ бы книги. Правъ ли или неправъ Бунинъ въ своемъ пониманіи освобожденія Толстого, чрезвычайно цѣнно и интересно его освѣщеніе жизни и мысли величайшаго изъ всѣхъ писателей.

М. Алдановъ.

В. Ф. Ходасевичъ. О Пушкинѣ. «Петрополисъ». 1937.

Измѣненное и дополненное изданіе «Поэтического хозяйства Пушкина» конечно не та книга о Пушкинѣ, которой отъ Ходасевича ждали, — и продолжаютъ ожидать. Такую книгу, гдѣ жизнь и творчество были бы поняты совместно, гдѣ Пушкинъ былъ бы весь (чѣмъ еще не отрицается, конечно, неисчерпаемость генія, и даже всякой личности), только Ходасевичъ и могъ бы намъ дать, потому что у